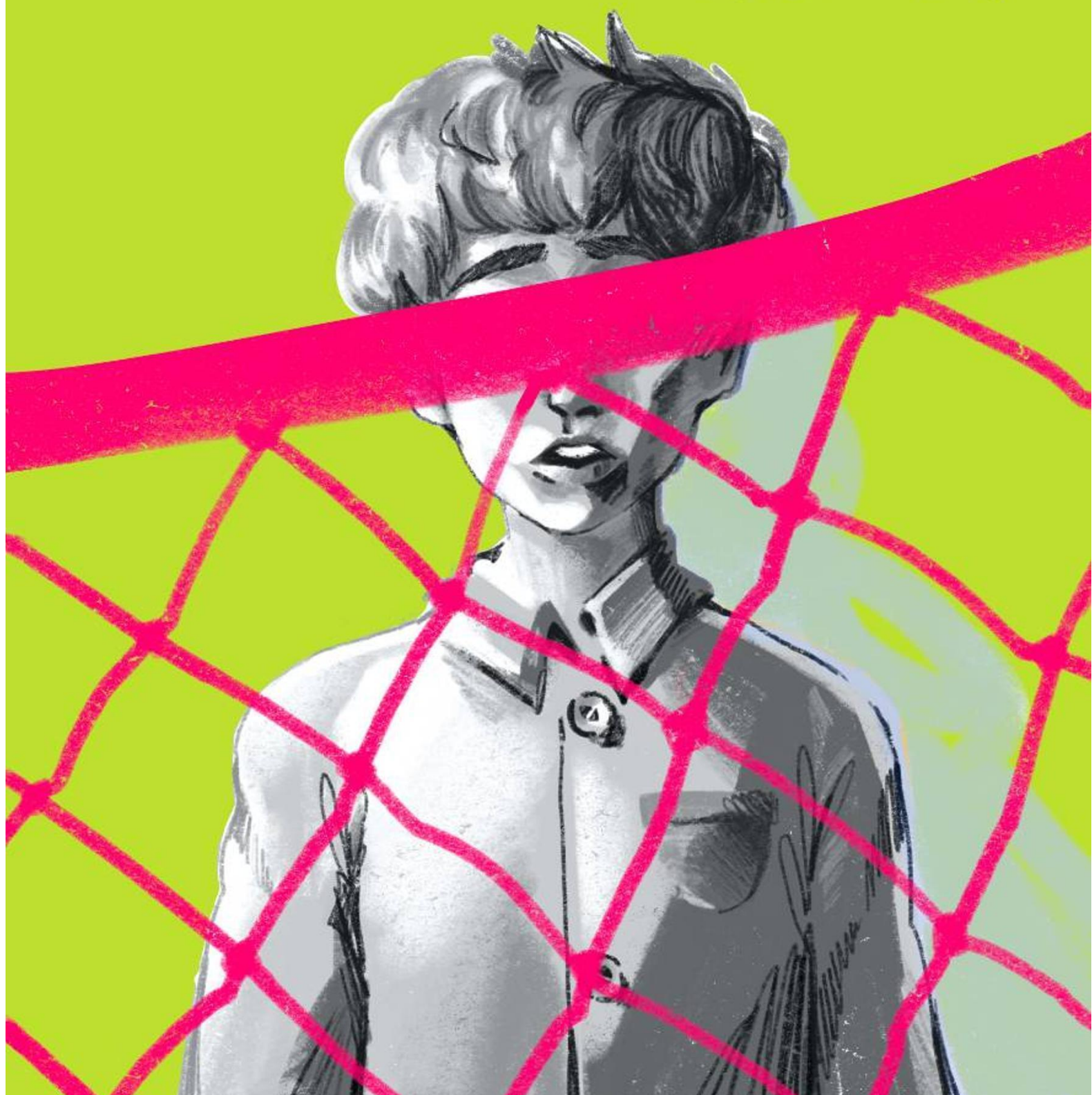

АНДРЕЙ БЕЛОГОРЦЕВ

МОНСТР- БЛОК

Андрей Белогорцев

Монстр-Блок

«Автор»

2026

Белогорцев А.

Монстр-Блок / А. Белогорцев — «Автор», 2026

В три года ребёнок тянется к мячу. В семь лет включает пультом волейбольный матч. В десять лет поступает в спортивную школу. В семнадцать лет его забирают в академию. В восемнадцать ребёнка переименовывают в игрока, а его жизнь начинает принадлежать тренеру. В двадцать три волейбол и становится жизнью. Так, мне казалось, всё и происходит. Но со мной – не произошло.

Андрей Белогорцев

Монстр-Блок

Партия 1. Школьная парта

В три года ребёнок тянется к мячу. В семь лет включает пультом волейбольный матч. В десять лет поступает в спортивную школу. В семнадцать лет его забирают в академию. В восемнадцать ребёнка переименовывают в игрока, а его жизнь начинает принадлежать тренеру. В двадцать три волейбол и становится *жизнью*.

Так мне казалось, всё и происходит. Но со мной – не произошло.

1.1

Из окна, подоконник которого измалёван ручкой и корректором, дул тёплый весенний ветер. Сквозняк получался из-за открытой двери. Эсгэшка, так мы называли нашу классуху, вышла, и все стояли на ушах. В мою белую, выглаженную мамой рубашку, прилетело несколько жёванных бумажек, в спину тыкали ручкой, сосед по парте рисовал в дневнике. В класс зашли двое рабочих. Наступила тишина. Когда рабочие проходили мимо наших рядов, я, как и остальные ребята, встал со своего места и попытался заглянуть им за плечо. На фоне бледных деревянных столов они перетаскивали красно-зелёную парту с красочными фотографиями и какими-то надписями. Я сразу понял: эта парта – особенная. Мы провожали рабочих взглядом и думали о том, кто же за этой партой будет сидеть.

– Минуточку внимания, – сказала классуха. – Сегодня к нам пришёл гость, игрок волейбольного клуба «Металлург» Иван Алексеевич Треухин, почётный выпускник нашей школы. Он расскажет вам о том, каково это – быть спортсменом.

Эсгэшка кивнула в сторону коридора. Сначала в класс зашла взъерошенная короткая стрижка, затем появилась шея, плечи, и, наконец, всё остальное туловище. Когда мужчина выпрямился, его бородатое лицо загородило часы над дверным проходом. Великан прошёл к доске как ни в чём не бывало, как будто пригнуться и кланяться перед каждой дверью было обычным делом. Он начал что-то рассказывать, а я смотрел на этого гиганта, как Гарри Поттер смотрел на Хагрида. Его пальцы были длинными и немного кривыми; они не соприкасались, а находились немного на расстоянии друг от друга, образуя черпак, в который можно было поместить небольшую салатницу или что-нибудь круглое, например, мячик. Его взгляд был устремлён в конец класса; он смотрел на нас сверху вниз, и создавалось впечатление, что между нами есть преграда, из-за которой он выглядывает.

У меня пересохло в горле; я поперхнулся, а когда поднял голову – увидел, что великан смотрел прямо на меня. Я задержал дыхание, чтобы остановить кашель, но не получилось. Вместо этого я смотрел ему в глаза и кряхтел. Он был спокойным и уверенным – я же суеился и не знал, как правильно себя вести; его движения были естественными – я же позорился со своим кашлем; он был высоким и широкоплечим – я стоял в самом конце шеренги на физкультуре.

Мы были такими разными.

Тогда я решил во что бы то ни стало стать таким же, как он. Но пока высоченные мужики летали над сеткой, я сидел на уроке в этой глуповатой рубашке и слушал про десятичные дроби.

Звонок на перемену, и я первым подбежал к новой парте. Заголовок: «Волейбольному клубу "Металлург" исполняется 50 лет со дня основания». Дальше: «За это время он выиграл... Текущий состав клуба...» и три абзаца истории клуба, которые я тоже пропустил. Слева же были фотографии. Мне запомнилась только одна: над сеткой подняты две руки с замотанными пальцами, и в одну из ладоней попадает жёлто-синий мяч.

На физре я подошёл к волейбольной сетке и вытянул руки. Даже когда подпрыгнул, не смог дотянуться до верхнего края. Мне проще было пройти под сеткой, чем увидеть противоположную сторону поля сверху. Тогда я отошёл на пару шагов и взглянул на эту недостижимую высоту. И я увидел (верю, что увидел!) Ивана Алексеевича, который в прыжке смотрел на меня с той стороны площадки тем уверенным и спокойным взглядом, с которым я столкнулся в классе. Руки его были вытянуты над сеткой так высоко, что переходили на мою сторону площадки. Он казался мне таким громадным, будто это был не обычный человек, а Халк.

В раздевалке меня дёрнул одноклассник:

– Помнишь длинного, что к нам на прошлом уроке заходил? Я его фотку на парте нашёл, теперь он не только бородатый, но и хвостатый, ха-ха!

– Ты что, парту испортил?!

– Парта и парта, жалко, что ли? Вся школа в них.

Я толкнул его в плечо. Дальше он говорил уже не таким весёлым голосом.

– Ты чего? Типа защитничек? За всех бомжей с улицы, чьи фотки у нас в классе, теперь бить будешь? Давай, ударь меня!

И я ударил. На шум драки пришёл физрук, который притащил нас к Эсгэшке. Она, конечно, не слушала, что произошло, только рассадил: того тупорылого на первую парту, поближе к учителю, а меня – в самый конец, за волейбольную парту.

Окружающий мир, история или литература, мне было без разницы. Эти сорок пять минут я находился на стадионе. Болельщики встают и опускаются, как будто идёт волна. А я демонстративно подхожу к сетке, подпрыгиваю и перекидываю поднятые руки так, что верхушка сетки оказывается где-то на уровне подмышек. Зал заливается аплодисментами, каждый из них скандирует моё имя: «Же-ня! Же-ня! Же-ня!»...

– Же-ня! - это была классуха. - Ты домой идти собираешься?

В машине меня уже ждала мама. Дома я полез на ютуб: смотреть первые попавшиеся волейбольные игры, в которых пока ничего не понимал. Шесть игроков с одной стороны, шесть с другой. Одни пониже, другие повыше. И тут увидел то, что стало для меня «волейболом». Два человека встали у сетки вплотную друг к другу и приготовились стать стеной из рук, чтобы не дать мячу пройти. Ух ты! Мяч полетел не к краю площадки, а прямо по центру. Блок в рас-терянности! Бей, куда хочешь! Тогда один из игроков подпрыгнул, вытянул свои длиннющие руки и в одиночку отразил удар! Мяч улетел от вытянутых рук в поле соперника, как будто молотком заколотили гвоздь. Стадион взревел, заморгали прожектора, и комментатор крикнул «Монстр-р-р блок!». Болельщики подскочили, вытянув руки вперёд, и начали качать влево и вправо, как будто передразнивали лошка-нападающего. А комментатор в это время все повто-рял: «Монстр-блок, монстр-блок, монстр, монстр, монстр-блок!». Камера показала со спины довольного волейболиста, которого обнимали товарищи по команде. Наверное каждый, кто был в этот момент на стадионе, хотел бы оказаться на месте этого игрока. Я-то уж точно!

Я ждал, когда придет с работы папа, чтобы рассказать им с мамой про Ивана Алексее-вича, про парту, драку и волейбол. Может быть, прямо сейчас он проезжает мимо «Шарика» – так мы называем стадион Металлурга из-за круглой формы. Меня водили туда пару раз роди-тели, но мы сидели на последних рядах, да и было это уже давно. Около стадиона всегда была пробка, мы долго не могли припарковаться, а в машине меня всегда укачивало, за игрой я не следил. Да и в целом волейболом не так интересовался.

Волейбол – не самый зрелищный вид спорта, мне так папа говорит. Мы иногда ходили всей семьёй смотреть волейбол, садились на задние ряды и ничего не было видно. Но одно дело, когда смотришь волейбол издалека, и совсем другое, когда видишь волейболиста вблизи! Вот встретишь его в обычной жизни, и ведь никто не будет гадать, кто он? Инженер? Учитель? Сварщик? Одного вида хватает, чтоб понять: он – волейболист!

Разбудила меня мама. Оказывается, я так и заснул в мятой рубашке и с планшетом в руках, а она незаметно переложила меня на кровать. Мы опаздывали, но каждый раз, когда я хотел рассказать про вчерашний день, мне говорили: «ешь быстрее!». Мне всунули портфель в одну руку, тёмно-синий пиджак в другую, и выгнали в машину.

В школу я шёл с удовольствием. Чтобы стать спортсменом, надо вести себя, как спортс-мен. А спортсмены что делают? Добиваются своей цели! Моей целью на сегодня стало про-сидеть за особенной партией весь день, чтобы лучше изучить волейбольную команду своего города. Пришёл в класс прямо перед звонком, и сразу же сел на своё новое место. Правда, во время перекички произошёл косяк. Эсгэшка передвигала линейку по фамилиям из журнала и смотрела на ребят. Все были на своих местах. И только когда линейка дошла до меня, парта оказалась наполовину пустой.

- Жень... Жень опаздывает, что ли?
- Я тут!
- Ты чего не на своём месте? Быстро пересел!
- Светлана Григорьяна, а можно...
- Быстро, говорю! А теперь о контрольной работе.

Пересаживала, ещё и контрошу втюхала. Этот урок, наверное, лучше отсидеть с соседом, будет у кого списать. Но дальше! В прошлый раз я оказался за партией после драки. Что же получается, теперь это парта для хулиганов? Ну и пожалуйста. Как говорится, вижу цель, иду к цели. Тем более, что я не хулиган, да и контрольную напишу на пятёрку. Просто повеселюсь немного.

Тырим из столовки сахар, размешиваем в горячей воде и окунаем туда тряпочку. Главное – с дежурными договориться.

– Открываем тетрадки, записываем тему урока.

Эсгэшка подошла к доске. Попыталась записать тему – а нифига! Доска как была зелёной, так и осталась.

– Так. А ну признавайтесь, кто натёр доску сиропом?

Класс дружно засмеялся, да так громко, чтобы подольше успокаивали, и оставалось меньше времени на урок. А я смеялся двойне громко, потому что мой план вот-вот должен сработать.

– Тишину поймали! Кто сегодня дежурный?

Сквозь хохот меня моментально сдали:

– Женя, Женя! Сам вызвался!

– Хулиганьё! – сказала и постучала длинными ноготками по столу классуха. – Бери ведро и иди за нормальной водой. И портфель свой заberi, до конца урока будешь сидеть один в конце класса.

Я еле сдержал улыбку, пока шёл до двери! Стоило мне только выйти с ведром в коридор, как подпрыгнул и крикнул «есс». Мне не трудно ещё раз вытереть доску, тем более, за такую награду.

И вот я, наказанный, но такой довольный, сижу за новой партой. Хвостатый Иван Алексеевич, фотка с руками, красно-зелёные цвета. Всё казалось мне таким близким, таким родным! Этот урок я решил посвятить изучению достижений команды, которые были перечислены справа от фоток, и которые я благополучно пропустил вчера.

Достаю из портфеля планшет. «Восьмикратный чемпион России». Тут вроде бы всё понятно, команды со всей России, один победитель. «Победитель Лиги чемпионов»? Пишут, что это турнир, в котором участвуют лучшие команды со всей Европы. Ничего себе достижение! Игры проходили в два этапа: дома и в гостях. Поверить не могу, что несколько лет назад в наш маленький город приезжали команды из Италии, Германии, Польши... А я удивлялся, откуда пробки такие перед стадионом. Но и это ещё не всё, «Металлург» был «победителем Чемпионата мира по волейболу среди клубных команд»! Что же выходит, наша команда одна из лучших в мире, а я узнаю об этом только сейчас? «...большую роль в достижениях Металлурга сыграла академия. Наши тренеры работают с тремя направлениями: младший, средний и старший возрасты в зависимости от уровня подготовки ребёнка».

Что ещё тебе нужно? Чёрным по красно-зелёному написано: а-ка-де-ми-я. Меня научат. Надо скорее прийти домой и попросить родителей отдать меня в волейбольную школу.

Звонок! На следующем уроке надо изучить игроков. Меня попросили вернуться за свою парту, как теперь пересесть обратно?

Из шариковой ручки легко сделать трубочку. Отрываю черновик, жую бумажку вкуса чернильных хлебцев и языком проталкиваю в трубочку. Кто там в меня вчера плевался, а ну держись!

– Женя! – окликает меня классуха. – Опять ты! Что с тобой случилось, кто тебя ужалил?! Сил моих больше нет, давай сюда дневник.

– Светлана Григорьяна!

– Дневник, говорю! Буду писать маме. И просить завтра прийти вместе с тобой в школу.

Делать больше нечего. Под выкрики «доплевался!», «лошара!», «защитничек, мамку позови!» тащу дневник Эсгэшке, и весь класс ждёт, пока она напишет письмо счастья.

Дома папа всыпал ремня. Мама долго ругалась, но была совсем не против волейбольной секции. Правда, после того как согласилась, она отошла на кухню, кому-то позвонила, и сказала, что сейчас это невозможно: набор будет только с сентября, и несколько оставшихся меся-

цев до конца пятого класса плюс всё лето мне нужно было ждать. Я это воспринял спокойно, будет время подготовиться, чтобы потом показать себя.

На следующий день приехали в школу вместе с мамой. Мы шутили, смеялись, я совершенно не чувствовал, что вообще-то сейчас меня будут ругать, может, даже поведут к директору. Эсгэшка выглядела мрачной. Не поздоровалась со мной, только с мамой. Лицо мамы тоже изменилось, стало как будто серьезнее. Меня попросили выйти из кабинета. Ни криков, ни самого разговора я не слышал, как ни пытался подслушать, я абсолютно не понимал, что происходит внутри. Уже не хотелось улыбаться.

А когда меня снова пригласили в класс, то увидел, что волейбольная парта стояла не последней, а второй в ряду у окна. Мне разрешили сидеть за ней до конца учебного года с условием, что я улучшу свои оценки. Собственно, так и получилось: в итоговой колонке дневника была только одна четвёрка по информатике – а это значит, что уже со следующего года я смогу играть в волейбол.

1.2

Прислонившись к окну рукой, я читал вывески новых магазинов, бегал глазами от одной новой многоэтажки к другой, изучал новые повороты и лежащих полицейских, на которых неожиданно подпрыгивала машина. Всё было *новым*. И это *новое* для меня только начиналось: я первый раз встречусь со своим тренером, первый раз увижу своих друзей по команде, первый раз в жизни буду играть в волейбол по-настоящему. Говорю «по-настоящему», потому что всё лето папа учил меня играть в волейбол. Я уже умел отбивать мячи сверху и снизу, иногда получалось подавать, да и мяч всё чаще летел не в сторону, а папе в руки. Я был готов к тому, чтобы начать заниматься волейболом и играть не хуже остальных.

– Чего насупился, волнуешься? – я увидел мамины глаза в зеркале заднего вида.

– Я не волнуюсь!

– А, поняла, это ты так сосредоточился. Смотри, мы уже подъезжаем.

Подъезжаем! Уже скоро я смогу войти в этот здоровенный волейбольный зал, с его трибунами, высоченными потолками, почти рыболовной сеткой с обеих сторон площадок – их вывешивают, чтобы мячи не улетали каждый раз на трибуны. Мне выдадут красивую форму клуба, специальные кроссовки... Интересно, какой у меня будет номер?

Мама снова посмотрела на меня в зеркале.

– Я, кстати, тут училась в своей молодости. Школа совсем не изменилась с того времени.

Впереди было двухэтажное здание с шариками, которые так и не сняли с первого сентября, и вывеской «Добро пожаловать!»

Так значит, вместо стадиона академии я буду играть в какой-то левой секции 42-й школы?... Живот скрутило, я вжался в сиденье и снова посмотрел в боковое окно.

– Футболку, шорты положила, кроссовки положила, водичка, полотенце на месте. Пошли? – она открыла заднюю дверь. – Всё хорошо?

– Да, просто укачало.

В фойе пахло краской. Потолок трескался. Лампочки мигали, а какие-то и вовсе не работали. Коридор налево и коридор направо, лестница наверх и еще две вниз, хотя мы и так находились на первом этаже. Меня повели как раз вниз, в подвал. В конце коридора открытая дверь и синий пол с желтыми линиями – спортивный зал. Эхом доносились стуки мячей о стену. Мама заглянула внутрь, и оттуда вышла светловолосая женщина, ростом примерно с маму. Женщина улыбнулась, поздоровалась со мной, спросила, как зовут.

– Женя, – ответила за меня мама.

А потом мама повернулась ко мне:

– Это Наталья Вячеславовна. Они вместе с Леонидом Геннадьевичем будут твоими тренерами.

Наталья Вячеславовна согнулась, положила руки на колени, кивнула головой и, не переставая улыбаться, сказала:

– Беги, переодевайся, и приходи к нам! Раздевалка вот тут, за углом.

Белая школьная футболка и чёрные шорты – вот моя форма. Ну ничего! Нужно показать, что мой уровень выше остальных ребят и мне нужно перейти в настоящую академию. Наталья Вячеславовна ещё разговаривала с мамой. Когда я вышел из раздевалки, тренер положила мне руку на спину и повела в зал.

– Ребята, внимание! Это Женя, он новенький, теперь будет заниматься с нами. Давайте на три-четыре скажем «Привет, Женя»!

Около пятнадцати парней, которые до этого мотались по всему залу с мячами, скалками и фишками, на секунду остановились, хором сказали «привет, Женя» и продолжили бегать, не обращая на меня внимания.

– Через пять минут начинаем. – Наталья Вячеславовна открыла дверь и вышла в коридор, в котором стояла мама. Мама смотрела на меня, улыбалась и подмигивала. Мне стало спокойней, я улыбнулся в ответ и пошёл к шведской стенке, которая стояла недалеко от входа.

На той стороне площадки образовалась кучка людей, и за их спинами я пытался разглядеть, что происходит. А смотрели они на парня со скакалкой. Он прыгал, иногда перепрыгивая сразу через два замаха, иногда крест-накрест, а потом и вовсе выбежал в сторону, продолжая прыгать на скакалке, приговаривая «А я бегу, бегу, бегу, бегу, бегу, бегу...» Парни, которые стояли в кучке, побежали за ним, только без скакалок. Тоже мне, фанаты.

– Это Никита, он у нас звезда. – Ко мне подошёл полненький парень. – А меня все зовут «Картохой». Говорят, я бегаю как мешок с картошкой. Вообще я Максим, но мне не обидно, я люблю картошку. Ты Женя, да? Будем дружить?

Я кивнул, зачем-то дважды. В зал зашла Наталья Вячеславовна и похлопала в ладоши, после чего крикнула «Строимся». А затем подошла ко мне, снова нагнулась:

– Ты уже подружился с Максимом? Как хорошо, сегодня будете в паре заниматься.

Максим это тоже слышал. Он смотрел на меня так радостно, как дворняжка, которая ждёт косточку. Но Макс вроде приятный парень!

Наталья Вячеславовна попросила встать самым последним. Подумал, что это из-за того, что я новенький. Я выглянул посмотреть на шеренгу. Оказалось, что мы выстраивались по росту, а я был самым низким. Парень справа от меня выше чуть ли не на целую ладошку, хотя может, так казалось из-за его причёски. Максим тоже был ближе к концу, но я его не увидел сразу. Кто же был самым высоким?

По команде мы развернулись направо и побежали. Во главе нашей змейки бежал, иногда оборачиваясь и разговаривая, Никита. Тот самый выпендрёжник со скакалкой. Мне хотелось быть первым вместо него, но, когда я хотел кого-то обогнать, мне выставляли руку и говорили бежать друг за другом.

Беговые упражнения закончились. Наталья Вячеславовна просила разойтись по всему залу равномерно, но большинство ребят были рядом с Никитой. Даже те, кто стояли немного подальше, развернулись в его сторону. Не понимаю, он как-то по-другому разминается, что все на него смотрят, или что? А он при этом ещё и кривляется, болтает постоянно, отвлекается. Клоун. Просто клоун!

Наконец, нам раздали мячи. Максим встал в пару со мной, мы кидали мяч одной рукой, двумя. Движения Максима казались мне неуклюжими, медленными, не волейбольными. Интересно, он играет так же? Если да, то мне точно нужно в академию!

Я подошёл к тренеру.

– Наталья Вячеславовна, а мы скоро будем играть?

– Женечка, играть мы будем попозже.

– А можно сейчас?

– Нет, нельзя. Сегодня у нас тоже будет много всего интересного. Заканчивай разминаться, а я пока схожу за билбордом.

Она ушла в кабинет в конце спортивного зала, а мы с Максимом ещё немного покидали мячи. Наталья Вячеславовна попросила взять маты и собраться вокруг неё. Ребята побежали в тот же кабинет, я за ними. Вошёл и замер: чего там только не было! Вся стена увешана медалями и кубками. «Чемпионат области», «Первенство России», какие-то благотворительные турниры. На фотографиях разные команды в разных цветах, в основном мальчишки и девочки моего возраста. А рядом с ними – Наталья Вячеславовна и какой-то высоченный мужик в солнцезащитных очках. Какая же она низкая по сравнению с ним! Хотя она одного роста с мамой, а мама у меня не такая уж и низкая.

Меня кто-то толкнул сзади.

– У прохода не стой!

И другой голос:

– Опять теория...

Я взял мат, пошёл к тренеру.

Наталья Вячеславовна стояла посреди зала с большой белой доской, на которой нарисована волейбольная площадка. На одной половине «площадки» шесть красных кругленьких магнитиков, в руке маркер.

– Давайте, давайте, усаживайтесь побыстрее! – подгоняла Наталья Вячеславовна. – Никита, где твой мат, опять баловался всё это время? Вон, подсаживайся к Жене.

Он шмыгнул носом, посмотрел по сторонам, но не найдя рядом никого, с кем можно было бы поболтать, развернулся в сторону тренера и шлёпнулся на мат животом, чтобы можно было удобно лежать. Парни слева и справа тоже легли на мат, как и Никита. Я же сидел. Не буду плясать под его дудку!

– Кто лёг, а ну не разваливайтесь, сядьте на мат! Если не удобно сидеть, подогните под себя ноги, но не лежите. – Наталья Вячеславовна посмотрела на Никиту, нахмурила брови и погрозила пальцем.

«Так тебе и надо, - подумал я. - Один-ноль в мою пользу».

Никита и компания нехотя сели, а Наталья Вячеславовна начала рассказывать про то, как играть в волейбол. Шесть игроков на площадке, три касания на команду, это я всё знаю. А вот дальше...

– В волейболе, есть роли игроков, или по-другому, амплуа. Сегодня расскажу только про две позиции: это связующий и диагональный. Связующий всегда стоит под сеткой посередине. Именно от него будет зависеть, кому достанется мяч и с какой зоны пойдёт атака. Почти всю игру он стоит спиной к сетке, чтобы видеть, кому отдавать пас. Если в оркестре есть дирижёр, то в волейболе это связующий. Такому человеку важно иметь хорошую технику, чтобы точно передать мяч.

Я посмотрел в сторону, чтобы найти человека, который всем своим видом покажет, что он связующий, но таких не оказалось. Все смотрели либо на тренера, либо в пол.

– Диагональный – самый сильный игрок в команде. Он не участвует в приёме, его задача забить как можно больше мячей. Его удары всегда мощные и сильные, именно диагональные зарабатывают больше всего очков за матч.

И вот тут все зашевелились, запрыгали, как будто в школе прозвенел звонок с урока. Как чайки: «это я! Нет, я! Вообще-то я! Я самый сильный, я, я!»

Меня толкнули вбок. Это был Никита.

– Новенький, а ты на какой позиции хочешь играть? – спросил он шёпотом.

– Я???

Как бы ему ответить, что я не знаю. Если признаюсь, то подумает, что я слабый! А я не слабый. Вспомнил фотографию на парте, как две руки над сеткой блокируют мяч. Тогда я поднял руку и выкрикнул:

– А кто делает «монстр-блок»?

В зале захихикали, как будто я рассказал анекдот. Стало неловко, но Наталья Вячеславовна ответила серьёзно.

– Монстр-блок, конечно, громко сказано, но в волейболе есть специальный человек, который стоит у сетки лицом и выпрыгивает двумя руками на мяч, чтобы тот не смог перелететь. Это «центральный блокирующий». Только приём называется не «монстр-блок», а просто «блок». Монстр-блок – это очень-очень хороший одиночный блок.

Никита снова меня толкнул.

– Центральный блокирующий, серьёзно? Ты же коротышка!

Видимо, наш разговор услышал тренер.

– Подождите делиться на позиции! Нам нужно тренировать все навыки. Обычно амплуа можно понять к шестнадцати-семнадцати годам, а вам всем по тринадцать. Каждый из вас будет пробовать себя на разных позициях, а мы будем немного подсказывать, у кого что лучше получается. Из лучших аспектов вашей игры и будет складываться амплуа. Правда, ещё важен рост, но это всё потом.

Наталья Вячеславовна рассказала про переходы, замены. Потом мы убрали маты и играли в салки, вышибалы, во что угодно, но только не в волейбол.

В раздевалке я не особо с кем общался, больше слушал то, что говорят остальные. Шумато! Обсуждали позиции, кто где хочет играть, у кого сильнее удар.

Максим показал дорогу из школы на улицу. Говорю ему:

– Ну а ты-то на какой позиции хочешь играть?

– Не знаю. Хочу забивать мячи, много мячей!

Вот и все так. Большинство ребят мечтали о том, чтобы забить красивый мяч. Я же мечтал о том, чтобы не дать им это сделать.

– Жень, мне направо. Тебя мама заберёт? Я тогда на остановку пошёл.

Я протянул руку вперёд, чтобы пожать на прощание, а он уже стоял с раздвинутыми руками в стороны, чтобы обняться. Тогда я тоже вытянул руки в стороны, а Максим протянул руку вперёд. Неловко.

Меня ждала мама. Школа, домашняя работа, я думал только об одном: прийти на тренировку и показать Никите и всем остальным, насколько хорошо я играю.

1.3

Мама хотела пойти со мной, но я попросил её остаться в машине. Справлюсь. Дошёл до раздевалки, уже здоровался с парнями, хоть и не знал их имён, пришёл в зал. Натальи Вячеславовны не было, наверное, сидела в кабинете. Но из кабинета вышла не она, а мужик с солнечными очками на лысине.

– Привет, бойцы!

– Здрав-ствуй-те! - хором прозвучало в ответ.

Я молчал. Люди с высоким ростом сразу казались мне авторитетом. Значит, волейболист, значит, профессионал.

– Кто это? - тихонько спросил я Максима.

– Леонид Геннадьевич.

– Хорошо, а кто это?

– Тренер. Второй. Наталья Вячеславовна отвечает за тактику, а так у нас Леонид Геннадьевич.

Мы выстроились по росту и побежали по залу. Разминка такая же, как и в прошлый раз. Во время растяжки я подошёл ближе к Максиму.

– А кто тебе больше нравится? – Мне было интересно узнать, чем будут отличаться тренировки.

– Конечно, Наталья Вячеславовна! С ней тренировки приятные. А Леонид Геннадьевич демон какой-то. Опять всю тренировку ругаться будет. Говорит, у меня не руки, а ростки от картошки, такие же кривые.

– Нормальные у тебя руки. А чего ругается-то?

– Технику ставить будет! Целый час за мячами гоняться.

Такая новость просто не могла не обрадовать! Сегодня мой день, надо хорошо себя показать.

– Мячи разбираем, один на пару, – рявкнул Леонид Геннадьевич.

Мячи начали лететь по всему залу. Один из них летел в меня – я его поймал, посмотрел, откуда прилетел, и не швырнул, а аккуратно покатыл мяч в ту сторону, как и положено в волейболе. Я снова встал с Максимом, но подошёл Леонид Геннадьевич, взял меня за запястье и увёл в сторону.

– Нет, у Жени будет другая пара. Никита!

Никита дурачился недалеко от нас, тренера не слышал. Тогда Леонид Геннадьевич взял одной рукой мяч (у меня так не получается!) и кинул его в Никиту. Не со зла, конечно, просто чтобы тот не отвлекался. Мяч попал в ноги, Никита от неожиданности вздрогнул, но обернулся с улыбкой. Видимо, уже не первый раз в него прилетает.

– Никит, вставай в пару с новеньким. Как там тебя?

– Женя.

– С Женей, будешь его натаскивать. А ты, - он обратился ко мне, - смотри, чтобы он не отвлекался, хорошо?

Я кивнул. Никита, который был выше меня на целую голову, подбежал, ведя по пути волейбольный мяч ногами, как футболист и пнул в мою сторону, ожидая, что я пну ему в ответ. Я нагнулся, взял мяч в руки и ждал указаний тренера.

Леонид Геннадьевич стоял в конце зала, сложив руки на груди. Даже отсюда его хорошо видно.

– Передача сверху. Прохожу, смотрю, как вы выполняете. – тренер подошёл к первой паре.

Голос тренера был громкий не от того, что он кричит, а сам по себе. Мы слышали все его замечания, даже если он находился далеко. Локти согни. Колени. Пальцы разожми. Он ходил по залу, как Эсгэшка ходит классу во время контрольной.

Никита дал мне пас. Я зачем-то поймал, подкинул и сделал передачу Никите. Он усмехнулся, помотал головой, и мой мяч отбил сразу. Значит, надо отбивать сразу. Мои мячи летели то ближе, то дальше, то уходили в сторону. Никита же давал идеальный пас, что меня раздражало. Я тоже хотел давать идеальный пас! Тренер дошёл до нас. Я готовился отбить мяч, но Леонид Геннадьевич его поймал в воздухе.

– Покажи, как ты делаешь передачу? – сказал он мне.

Я подкинул мяч, кинул его в направлении тренера. Мяч прилетел тренеру в живот.

– Смотри. – Он взял меня за запястья. – Расслабь руки. Указательный и большой пальцы должны образовать треугольник. Пальцы обволакивают мяч, колени сгибаются и делаешь мягкий пас, выпрямляя руки в сторону партнёра. Он подкинул мяч над собой пару раз, после чего отдал мне.

Тренер давал комментарии всем, кроме Никиты.

Мы с Никитой пробовали перекидывать мяч, но удерживать его долго не получалось, наш рекорд – четыре раза. Каждый раз ошибался я. То в сторону улетит, то в лицо себе же попаду. На обратном пути тренер снова подошёл ко мне.

– Бери мяч, пошли к стенке.

Неужели в угол поставит?

– Вставай у стены и играй со стенкой. Прилетел мяч – поймал его в треугольник, посмотрел на свои руки, правильно ли стоят, и опять кидай. Понял?

Понял, понял. Неужели я настолько плохо играю, что могу играть только со стенкой? Какой позор. Обернулся, чтобы посмотреть на зал. У стенки стоял один я. На меня же посмотрел тренер, который кивнул и сделал «треугольник» у груди, как будто делал передачу, мол, всё правильно, стой, не отвлекайся. А я и стою. Перекидываю. Скучно, правда. Никита носится по залу, а я должен стоять у стены, как будто меня наказали.

Тренер дал другое упражнение, передача снизу. Я поймал мяч, отлетевший от стенки, и пошёл в глубину зала, чтобы найти человека без пары. Навстречу мне пошёл тренер.

– Сегодня у тебя только верхняя передача. До конца тренировки стоишь и наигрываешь.

– Так я и дома могу, – бормотал я себе под нос.

– Правильно, и дома тоже! Между прочим, это самое полезное упражнение. Чем больше стоишь у стенки, тем техничнее у тебя будут пасы. Видел, какие пасы у Никиты, хочешь так же?

Я кивнул.

– Так вот у него от природы талант. А тебе нужно работать. Ему стоять у стенки бесполезно, а у тебя получается. Не каждый сможет в таком возрасте десять минут подряд делать одно и то же упражнение. Это называется «спортивной выдержкой»: не отвлекаться и делать то, что тебе говорит тренер, повторяя много-много раз. Через пару месяцев этот Никита будет завидовать, какие красивые у тебя пасы!

Выдержка... Ну хорошо! Я встал у стенки продолжил повторять одно и то же.

– Максим, ноги, ногами быстрее подходи! – Леонид Геннадьевич шлёпнул Максима по ляшке, а потом по животу. – Когда худеть будешь, картоха? Десять кругов!

Максим опустил голову, подошёл к линии и медленно-медленно побежал.

– Я же говорил, он демон, – возмущённо сказал Максим, пробегая мимо меня.

– Никита, слезь со стенки! Десять отжиманий! – тренер не щадил никого. Почти каждому он давал индивидуальные задания, даже когда ругался.

Игра. Шесть человек встали на одной стороне, шесть других поставил на другую. Но нас сегодня 13! В нашей команде оказалось семь человек. Как рассказывала Наталья Вячеславовна, один человек остаётся в запасе и меняется с игроком после подачи.

Меня поставили сзади-слева. Я стоял на синем полу недалеко от жёлтой линии. Это – моя площадка. Моё поле, которое я должен защищать от мяча. Такое большое, синее поле. Я посмотрел на сетку. Маленькие черные квадратики, которые делили поле на наше и чужое. На недостижимой высоте над квадратами – белая полоса. А над белой полосой две широченные руки с раскинутыми, как листья пальмы, пальцами. Руки вылезают на нашу площадку, а за ними появляется бородатое лицо Ивана Алексеевича... Бум!

Никакого Ивана Алексеевича не было. Был только мяч, который больно прилетел мне в лицо.

– Один-ноль! – считает Леонид Геннадьевич. – Никита, подавай.

Ещё и Никита! Ну ничего, я просто отвлёкся, сейчас отобью. Подача. На этот раз мяч летит чуть левее меня. Там находится жёлтая линия. По правилам если мяч упадёт за эту линию, то это аут, мы выиграем очко. Я отхожу в сторону, не касаясь мяча.

– Поле!

Мяч всё-таки попал в площадку. Никита побежал давать пятюни ребятам из команды. А когда взял мяч в руки, посмотрел на меня. Значит, подача снова будет сюда же, и я отобью. Мяч летел высокий, несильный. Он приближался ко мне, а я уже представлял, как правильно выставить "треугольник" и отдать пас. Выставляю руки, а мяч прилетает чуть ниже, чем нужно для верхнего приёма, но чуть выше, чем для приёма снизу. Не успеваю сориентироваться, путаюсь в руках. 3-0.

Ко мне подошёл парень, который стоял справа от меня: «я прикрою». Он поравнялся со мной и сделал шаг вперёд, немного задев меня плечом. Что мне теперь, дышать ему в спину? Мяч летел снова в меня, но спина впереди подпрыгнула и отбила мяч. Три касания, наша команда забила. Всё происходило так быстро, как будто видео поставили на ускоренную перемотку.

Игра уже не казалась таким радостным событием, ведь я теряюсь и не могу отбить мяч. Когда я стоял сзади, мне прикрывала чья-то спина, а впереди просто не давали мяч. Переход за переходом, игра шла мимо меня до тех пор, пока я не встал у сетки на позиции связующего. Теперь я дирижёр, мне просто обязаны дать пас.

– Эй, Жень!

В команде соперников связующим стоял Никита. Он повернулся лицом ко мне и смотрел на меня через сетку.

– Знаешь, кто должен взять на себя второе касание?

– Связующий, то есть, я.

– Правильно. А знаешь, как выиграть любую игру?

На этот вопрос я ответ уже не знал, поэтому вопросительно помотал головой.

– Нужно найти в команде соперника слабое звено.

Я не понял, к чему он это сказал. Он отвернулся, игра началась. Наша подача. Мяч перелетел на их сторону, игрок принял и дал пас Никите. У Никиты второе касание, теперь он должен сделать передачу кому-то слева или справа. Мяч прилетает ему в "треугольник", руки выпрямляются... Вместо того, чтобы дать пас, он легонько перекидывает мяч через сетку, как будто даёт пас мне. Но моё касание второе! А кто возьмёт мяч первым касанием, если не я? Мяч падает рядом со мной, никто так и не успел его взять. У команды соперников переход, и

Никита, уходя в край площадки, дотронулся указательным пальцем до виска и ещё раз сказал мне: «слабое звено!»

– Я не слабое звено!!! – закричал я и шмыгнул носом. – Не слабое!

Лоб сжимался от нахмуренных бровей, всё вокруг стало размытым. Я смотрел в пол, чтобы никто не заметил моих слёз.

– Жень, у нас нет перехода, ты остаёшься у сетки, – сказал мне кто-то и дотронулся до плеча. Я отмахнулся, случайно задев руку товарища по команде, и вытер глаз костяшками так, будто мне ресничка в глаз попала. На кулаке не будет заметно, если он станет мокрым. Смотрю в сетку, в чёрные квадратики, за которыми для меня ничего нет. Там, на той стороне поля, люди умеют играть в волейбол. Но я не там. Я здесь. Здесь только слабое звено.

– Развернись! Жень, развернись, подача!

– Да помню я!

Не надо указывать, сам знаю, что связующий при подаче смотрит на своих игроков, а не на чужих. Но я не могу показать им, что у меня слёзы. Надо развернуться так, чтобы никто ничего не понял. Меня выдаёт нос, приходится шмыгнуть ещё несколько раз.

– Стоп игра. Замена, выходи вместо Жени, – говорит тренер парню на скамейке.

Какая ещё замена...

– Жень, всё, не умеешь справляться с эмоциями – уходи с площадки. Уходи, говорю! Продолжаем игру.

Быстро убегаю в раздевалку, чтобы никто меня не увидел. Заходит Леонид Геннадьевич.

– Рассказывай, что случилось.

Сижу. Молчу. Зашмыгиваю сопли назад.

– Ну? – Леонид Геннадьевич не казался таким добрым, как Наталья Вячаславовна, но он терпеливо сидел и ждал, пока я отвечу.

Мне стало не по себе от того, что двухметровый лысый волейболист не кричит, не ругается, а хочет поговорить спокойным голосом. Я вытер слезу кулаком и проямлил:

– Никита назвал меня «слабым звеном».

– И что с того? Мало ли, кто что говорит. Ты сам-то считаешь себя слабым звеном?

– Считаю.

– Интересно! – тренер выпрямился, подумал немного, потом продолжил. – То есть, ты понимаешь, что нужно играть лучше. Тебе не всё равно, это прекрасно. А что для этого нужно делать?

– Тренироваться.

– Правильно. – Он достал из-под лавочки мяч. – Знаешь, что делать?

– Знаю.

Я взял мяч, подошёл к стенке и начал отрабатывать передачу сверху, стараясь не задевать крючки для курток.

– Между прочим, расслабляет! Только лучше, если ты будешь делать это не в раздевалке, а в спортивном зале. Не важно, что идёт игра, они тебе не мешают.

Мяч действительно стал антистрессом. Пока я контролирую, куда он летит, мне спокойно. Мы с Леонидом Геннадьевичем пошли в зал. Он хотел открыть дверь, но вдруг развернулся, как будто держал за спиной не ручку, а букет цветов.

– И это. Не смотри ты на этого Никиту. Он и занимается уже два года, и рост у него выше, ему игра легче даётся, понимаешь? Тренируйся, и ты станешь лучше. Попроси родителей купить мячик, стой у стенки дома.

В зале я сел на лавочку, чтобы завязать шнурки. Мне очень хотелось посмотреть, как выглядит игра со стороны. Со стороны игра казалась медленной, ребята еле перекидывали мяч через сетку. Мяч каждый раз отлетал в стену, когда кто-то пытался принять мяч, а когда нужно было забивать, все летели на мяч, как будто считали своим долгом коснуться мяча следующим.

Неужели и я выглядел так же нелепо... Максим стоял на месте, когда нужно было сделать шаг в сторону за мячом. После моего ухода Никита особенно часто в него целился. Никита, похоже, был единственным, кто действительно хорошо играл: бегал по всей площадке, раздавал точные пасы, умел не просто перекидывать мяч, но и бил по мячу одной рукой в прыжке, получался настоящий нападающий удар.

Ну и пускай Никита играет лучше всех. Тренер сказал, что через два месяца я могу играть даже лучше. А он профессионал! Говорит, надо просто использовать свои сильные стороны, и у меня есть эта, как её, *выдрезка*.

Партия закончилась победой команды Никиты, команды поменялись сторонами, а я встал у стенки и начал кидать мяч. Я принципиально старался не оборачиваться и не смотреть игру. Сначала мне мешали крики ребят, но я смотрел на свой мяч. Потом мешали двенадцать скрипучих ботинок, но я смотрел на свой мяч. Потом хлопающаяся о железную перегородку форточка, но я всё равно смотрел на свой мяч. И когда я в следующий раз посмотрел на свой мяч, мне больше ничего не мешало. Были только я. И мяч.

Тренировка закончилась, и перед тем, как отправить нас в раздевалку, тренер велел каждому повисеть на шведской стенке. Говорит, если висеть на перекладине хотя бы десять минут в день, то можно увеличить свой рост. Я висел так долго, что в зале никого не оставалось.

В зал вошёл Максим, уже переодетый в джинсы, забрался по шведской стенке и повис рядом со мной.

– Жень, я всё хотел спросить.

Я повернул голову на него, а он держал голову ровно, не обращая на меня внимания. Тогда я понял, что Максим пришёл сюда не для того, чтобы повисеть.

– Я видел, – продолжил Максим, медленно подбирая слова, – как ты... Как будто бы уходил в себя. То есть, я смотрю на тебя, а вижу другого человека. Не уверен, что ты в этот момент вообще человек. У тебя всё идёт наперекосяк, злишься, а потом раз – и всё сразу получается! Ещё взгляд серьёзный, злой. Мне и самому страшно становится, потому что это уже не Женя, а монстр. Как ты это делаешь?

– Монстр, ну ты скажешь! Не знаю, я просто закрываю глаза и... – я задумался о том, что в этом такого особенного. – И блокирую всё, что мне мешает. Шумы там всякие, мысли. Ну ты понял. А когда тебе ничего не мешает, не так уж сложно играть.

– То есть, ты просто блокируешь мысли?

– Просто блокирую.

– Монстр.

– Монстр-блок, – тихо пошутил я.

– Монстр-блок?

– Монстр блок!!!

Я усмехнулся, а Макс захохотал так, как будто включился папин автомобильный насос, от чего мне стало ещё смешнее. От смеха заболели животы, мы попадали с шведской стенки, как мешки с картошкой.

Долго прокручивал разговор с Максом в голове. Мне было так приятно, как будто я нашёл смысл жизни. Ну ладно, не жизни, но своего нахождения на площадке.

Дома прямо с порога заявил маме: мне нужен турник и мяч.

– Во дела! А мне нужны твои хорошие оценки в школе. Вчера домашнюю работу на проверяла, так ты без неё и пошёл в школу. Если так будет продолжаться, ты этот мяч ещё долго не увидишь.

– Ну мам!

– Что «мам»? Чем ты занимался вчера вечером?

– Учил волейбольные позиции...

– Понятно. Ладно, иди ужинать, потом поговорим.

Я ушёл мыть руки, а мама продолжила стоять, видимо, чтобы поговорить с папой. Папа на ужин не пришёл. Ковыряясь в котлете, я думал о том, что мне совершенно не хочется делать домашку, что мне школа безразлична, в отличие от волейбола. И что мама действительно может запретить ходить на волейбол, если я забуду на школу. Есть тоже расхотелось. Точнее, есть хотелось, но настроение не то.

Мама стояла в фартуке у плиты; сковородка то изрыгала столб пара, шипя и пощёлкивая, то умолкала под давлением прозрачной крышки. Со стороны это казалось какой-то борьбой с драконом. Вот и я сижу в заточении, в башне под названием «школа», окружённой рвом из домашки и под охраной маминого котлетошного дракона.

– Ну как там тренировка-то? Хорошие ребята? – хорошо, что мама не оборачивалась и не видела, что я ничего не ем.

– Хорошие, – буркнул я.

– А тренер хороший?

– Хороший.

– Дай угадаю, и поиграли хорошо?

– Хорошо.

– Понятно. – мама выключила огонь, сняла фартук и села напротив меня.

– Ты говорил, что тебе нужен мяч и турник. Расскажи, это тренер дал задание? Что за упражнение?

Я поднял голову, и объяснил, что занятия на турнике могут увеличить рост, а если тренироваться с мячом у стенки, то можно улучшить верхнюю передачу. Да так разговорился, что рассказал и про строгого, но справедливого Леонида Геннадьевича, и про неприятного Никиту, и про неуклюжего Максима, про слабое звено, про замену и про стенку, про желание стать лучше и научиться красиво раздавать пасы.

Я доел и ушёл в свою комнату, но тут хлопнула входная дверь. Папа. Когда вышел встречать, увидел, что в руках он держал волейбольный мяч.

– Мы тут с мамой посоветовались, – сказал папа, – и решили, что у тебя получится совмещать приятное с полезным.

– Давай будем чередовать. Делаешь домашнюю работу, отвлекаешься на упражнение по волейболу, а потом снова за уроки. – подхватила мама.

– А устные я могу делать одновременно! У меня есть читалка на планшете!

– Делай, как удобнее, но я приду слушать, как ты перескажешь... – мама посмотрела в дневник, – параграф по истории. Договорились?

Историю я рассказал с лёгкостью, но гораздо важнее, что я сорок три с половиной минуты простоял у стены с мячом!

Вместо упражнений с мячом я сразу же встал к стенке: эти два часа никто не будет меня отвлекать домашней работой, котлетами и прочей фигнёй. Тем более, что тренер показал технику нижней передачи. Левая рука обволакивает кулак правой руки, а большие пальцы становятся стрелочкой и указателем, в какую сторону полетит мяч. Мой указатель направлен только в сторону академии!

Время на тренировках летело незаметно. Я стоял у стены, чтобы потом ворваться на площадку на совершенно другом уровне. Меня не волновало, что происходит за моей спиной, кто как играет, да и я никого не интересовал. Или почти никого...

В раздевалку вошёл Никита.

– Вот это жарница сегодня была! Картоха, я тебя просто обожаю, стоишь там, галок ловишь, мяч прям просится к тебе! Лысый, а ты когда хотя бы через сетку начнёшь перебрасывать? Лысый!

Ребята начали хихикать.

– Или тебе солнце печёт? Так смешно от лысины отсвечивает!

Смешки превратились в хохот, и Никита, скривив улыбку, начал изображать «Лысого», который неправильно согнул руки для приёма и поглядывает в окно, повторяя при этом «лысый, лысый!»

Никите прилетел подзатыльник, а ребята от смеха застучали по скамейке, кто-то даже упал на пол.

– Я-то лысый? – прозвучал мужской голос.

– Да не вы, Леонид Геннадьевич, – потирая затылок, обиженно сказал Никита. – Вон у нас Лысый сидит.

– «Лысый» хотя бы не халтурит, когда ему говорят в планке стоять. Твоя пустая бутылка?

– Моя, – виновато произнёс Никита

– Мусор не разбрасывай.

Тренер ушёл.

– У кого вода есть? – сказал Никита, копируя уверенную интонацию тренера.

Никто не отзывался, Лысый демонстративно допил свои два глотка, и Никита, озираясь, подошёл к моей сумке, достал оттуда воду и отпил.

– Жене вода не нужна, он не устал стенку подпирать.

От такой наглости я почувствовал, что становлюсь «слабым звеном» не только не площадке, но и в раздевалке. Я поднялся со скамьи и потянулся выхватить бутылку назад, но Никита прикрыл её спиной.

– Ведёшь себя, как идиот, – я старался не делать резких движений, хотя предплечьем уже чувствовал своё учащённое дыхание.

– Сам как идиот, не дорос ещё обзывать, карлик.

– Ты на рост не смотри. Придёт время, и я буду обыгрывать тебя вместо разминки.

– Д я уж помру, когда на площадку выйдешь.

– Сам сказал, что помрёшь!

Никита нахмурил брови, подождал секунду, пока я посмотрю ему в глаза и сделал рывок в мою сторону, но ребята вовремя схватили его, и до драки не дошло.

– Только и умеешь клоунаду устраивать, – говорю я.

– Ты сам его провоцируешь! – буркнул Макс.

Ладно, молчу. Никита тоже подуспокоился, но напоследок сказал:

– Через месяц сдача нормативов. Там и посмотрим, кто из нас лузер. И бутылку вонючую заberi, мусор тут разводишь.

1.4

Я был уверен в своей победе. Никита — это про опыт на поле, не думаю, что он может что-то показать за его пределами. Ну выше он меня, и что с того? Нашёл, чем гордиться. Какой толк от роста, если не тренироваться.

Во дворе соседнего дома рядом с детской площадкой нашёл перекладину. Теперь каждое моё утро начиналось с него: повисеть перед школой, повисеть после уроков. На физкультуре можно повисеть, если зал открыт. Иногда получается подтягиваться. Дома – планка, пресс (уже получается не держать ноги!) и отжимания. И мама больше не ругалась, наоборот, говорит, у меня как будто память улучшилась – настолько привык слушать учебник, пока выполняю упражнения у стенки.

На сдачу нормативов пришла и Наталья Вячеславовна, и Леонид Геннадьевич. Я приехал пораньше, чтобы лучше размяться, а Никиту встретил уже перед самым началом. Не сказав ни слова, мы пожали друг другу руки. Моя ладонь была немного вспотевшей, поэтому рука Никиты скользила, когда он начал сильнее сжимать. Тренеры были не в курсе нашего спора, только ребята поглядывали то на меня, то на Никиту, то на списки в руках Натальи Вячеславовны, чтобы смотреть очередность.

Первое упражнение, перемещение. Леонид Геннадьевич периодически свистел в свисток, но в остальном стоял у сетки, сложив руки на груди и озвучивал ошибки: «Неправильная нога! Ноги сгибай! Максим, быстрее! Спину выпрями, мы не в бобслее!»

Никита шёл прямо передо мной. Ребята выстроились с обеих сторон, как будто в очереди KFC, я же стоял чуть сзади, стараясь не показывать своё волнение. Никита уверенно подошёл к жёлтой линии, встал в стойку и ждал команды тренера. Свисток! Зал затих. Больше никто не разговаривал, не шептался, не издавал никаких посторонних звуков. Я услышал биение своего сердца. Приставным шагом заскользили кроссовки, оставляя за собой лишь скрипучее эхо.

– Четвёртая зона, – привычным громким голосом сказал Леонид Геннадьевич.

Пятка поднялась, показав протектор подошвы, и тут же умчалась влево.

– Вторая зона. Первая. Третья. Шестая.

Голова Никиты не оглядывалась по сторонам в поисках зоны, он прекрасно знал их расположение, взгляд был прикован к сетке. Если бы сейчас без свистка кто-нибудь сделал сильную подачу, Никита бы моментально на неё среагировал. Он подбежал к последней точке, и, не дожидаясь результатов, подбежал к Лысому, чтобы дать «пять». Это был финальный свисток, после чего половина поля, на которой стоял Лысый, бросились обнимать Никиту.

– Безошибочно. Превосходный результат, Никита! Пока лучше всех, – озвучил тренер.
– Жень, твой черёд.

Я подходил медленно. Шаг, и исчезли ребята с линий. Шаг, и из окна не светит солнце. Шаг, и за сеткой больше ничего не нет. Есть только я. И шесть зон. С четвёртой по вторую спереди, с пятой по первую сзади. Ноги согнуты, спина прямая, руки перед собой. Я сделал глубокий вдох, грудная клетка увеличилась, и на выдохе прозвучал свисток.

– Приставной! Четвёртая! Вторая! Первая! Третья! Шестая! Есть!

Никто не шумел, когда я закончил. Никто не поздравлял. Только тренер сказал: «Молодец. Можно делать шаг шире, но это не ошибка».

Это было простое упражнение, вряд ли Никита рассчитывал, что я здесь ошибусь. Передача сверху. Леонид Геннадьевич кидает мяч, нужно переправить его в обруч. Получалось не у всех: из десяти мячей нормой считалось попасть четыре-пять раз. Первый мяч Никиты прилетает в обруч. Вторым, третьим, четвёртым, ему не составляет особого труда попасть. Пять, шесть, семь, всё попадает в цель. Восемь, девять, тоже там. В том, что и последний мяч попадёт в цель, никто не сомневается. Мяч летит в «треугольник» Никите, но вместо того, чтобы выпря-

мить руки, он подбрасывает мяч над собой. Пока мяч летит в воздухе, Никита разворачивается спиной к сетке, встаёт под мяч и, выгибая спину и поднимая запястья «треугольника», отправляет мяч в обруч. Он специально встал так, чтобы не двигаясь с места, посмотреть на меня. Ну что же, я впечатлён!

– Никит, тебе как сказали выполнять упражнение? – комментирует тренер. – Одним касанием. Выпендриваться на играх будешь. Наташ, запиши ему девять, чтобы знал в следующий раз.

Он всё ещё смотрел на меня, а я улыбался. Улыбался, потому что сейчас я прилюдно обойду этого придурка. Встаю в центре площадки. Пролетая мимо лиц любознательных однолюбников, мяч вращается, перемешивая жёлто-синие полосы, и отказывается на чужой площадке – это был рикошет от руки, которая держала обруч. Мимо! Я сжал кулак и тут же закрыл глаза. Больше нет шанса обойти Никиту. Больше нет мяча, что улетел на ту площадку. Больше нет руки, что держит обруч. Больше нет усмешек по сторонам. Есть только я. Мяч. И обруч.

Один. Подхожу к мячу ногами, и в удобной позиции отправляю в цель. Два. Сгибаю колени, чтобы передача была мягче. Четыре. Выпрямляю руки, соблюдая технику. Пять. Чувствую мяч кончиками пальцев. Шесть. Смотрю туда, куда хочу отдать передачу. Семь. После передачи руки ненадолго остаются впереди меня, чтобы зафиксировать чёткое положение. Восемь. Меня не беспокоит текущий счёт, я борюсь только за этот мяч, который прямо сейчас оказывается в обруче. Девять.

Уходя с площадки, меня толкнул Никита.

– Мы видели твой промах.

– В тетрадь посмотри. Девять-девять, нормативы только начались. – Мы разошлись, как в боксе, по разным углам.

Дальше – нижние передачи над собой. Но я ни разу не пробовал набивать над собой! Разве что только от стены...

Ко мне подошла Наталья Вячеславовна.

– Женечка, держи мяч, буду считать. Засчитываю, если высота передачи над собой не ниже метра, хорошо? Давай, ты справишься.

Я посмотрел наверх. Яркая лампа слепила и оставляла чёрные пятна, когда отводил взгляд. Ещё раз посмотрел на лампу. Холодный свет растекался по потолку, шлифуя неровности и чёрные следы от мяча. На потолке появились синие стебельки, из которых распускались синие листики и пышные синие «маргаритки» с белой серединкой. Цветок заканчивался, за ним начинался следующий. Они образовали узор, за которым пряталась такая же синие китайские здания с их многочисленными этажами, по острой кругловатой крыше на каждой. Домашние обои для меня казались привычной обстановкой, в которой можно было набивать мяч много раз. Я подбросил мяч, посмотрел вверх на стену и сделал передачу в «стену», как будто находился у себя в комнате. Всё просто! После отскока так же, как и у стены, подойти ногами и снова сделать передачу. Леонид Геннадьевич был прав, когда говорил, что этот процесс успокаивает. Я даже начал повторять историю: в 13 веке на Китай напали монгольские завоеватели, почти сто лет Китай находился под их влиянием. В это же время Китай впервые посетили европейцы, это была команда Марко Поло. После свергнутой династии Юань...

– Всё, Женечка, хватит! Умничка, этого вполне достаточно.

– А сколько я набил-то?

– Ну как, я же вслух считала! Двадцать пять, для зачёта достаточно пятнадцати.

Меня моментально нашёл Никита.

– Ну что, сколько?

– Двадцать пять.

– Ха! А у меня – пятьдесят.

– Но меня остановили!

Он лишь пожал плечами и ушёл. Это ещё ничего не значит! Вот был бы у меня Леонид Геннадьевич...

Раздались хлопки. Леонид Геннадьевич объявил, что сейчас перерыв, и дальше начнётся общая физическая подготовка. Мы с Максимом переоделись в обычную одежду, чтобы взять в фойе кофе и пойти погулять во дворе школы.

В подтягиваниях я Никиту обошёл. Это была безоговорочная победа: десять против шести!

– Что, Никит, боишься, что я тебя обойду?

– Я? Боюсь? Да щ-щас!

Мне показалось, что он ушёл в раздевалку, хотя нормативы продолжались. Я последним должен был сдавать «пресс».

Леонид Геннадьевич держал ноги. Я подогнул колени, расположился на мате, завёл руки за голову. Начали! Раз, два, три, на четвёртый мне показалось, что в позвоночник что-то врезается. Что-то твёрдое, как будто я лежал не на мате, а на ракушечном пляже, на который больно опускаться, тем более, на скорость. Но времени останавливаться не было. Приходилось елозить вправо-влево, нащупывать спиной, где помягче и куда безопаснее опуститься. Силы тратились не туда, и в тренерской записной книжке у меня оказалось на восемь наклонов меньше, чем у Никиты. Тренеры ушли, а я решил посмотреть, почему мат оказался таким неудобным. Провёл рукой – действительно, прямо по центру было твёрдое возвышение. А когда открыл молнию и заглянул под синюю ткань, то на состарившемся поролоне оказалась горстка монет. Как они там оказались?

Леонид Геннадьевич уже делал разметку для прыжков в длину, отвлекать его на непонятную фигню не хотелось. Забрал мелочь, положил на подоконник. Я видел, как сдавал Никита: с его ростом прыгать легко! Вытягивает свои лыжные палки вверх, резко отводит их назад, чтобы мощно прыгнуть лягушкой вперёд.

Мне будет тяжело перепрыгнуть, но попробовать всегда можно! Тем более, что все ребята сбежались посмотреть. Даже Никита не стал ныкаться в другой угол и подошёл ближе ко мне. Стоит, ухмыляется, пьёт водичку, тоже мне...

Первая попытка. Трижды размахиваю руками, настраиваюсь, прыжок!

– Метр восемьдесят. Неплохо.

Вторая попытка. Интересно, сколько у Никиты? Прыгну ещё раз, а потом спрошу.

– Ух ты, метр восемьдесят семь! – Наталья Вячеславовна посмотрела в тетрадку. – Женечка, всего на два сантиметра отстаёшь от лучшего результата, ну-ка давай на рекорд!

– Угадай, чей, – говорит мне Никита.

Ухожу на исходную. Сейчас побьём, нужно попробовать прыгнуть немного выше! Раз, два, и-и-и... При приземлении нога поскользывается, я теряю равновесие и падаю на руку.

– Если смотреть по руке, где-то метр пятьдесят.

– Наталья Вячеславовна, – говорю, – тут вода разлита!

– Где? Ой, ну протри ботинком, там немного.

– Плохому танцору. Женечка. – передразнивает Никита, закрывая бутылку. – На челнок пойдём последними. В паре. Победитель забирает всё, проигравший остаётся ни с чем.

Непонятно, что забирает победитель, но я кивнул. Два тренера стояли по две стороны с секундомерами, замеряя каждого индивидуально. Нам же с Никитой это на руку, сможем до миллисекунды вычислить, кто же лучше всего физически подготовлен.

– Так, Никита, с кем хочешь бежать в паре? – спрашивает Наталья Вячеславовна.

– Женя.

Впереди за спинами кто-то произнёс затаенное «о-о-о-о!», зал подхватил. Наш спор перестал быть локальным. Теперь о нашем соревновании известно даже тренерам. Никита повышает ставки: это последний зачётный норматив, и победитель поставит жирную точку. Проиг-

равший же будет унижен при всех. Как жаль, что Никита ещё не знает, насколько я хорош в «челноке»... Предпоследняя пара закончила, остались только мы. Из-за спины вышел Никита и хотел пройти вперёд, а когда зашёл за меня, пяткой наступил на ботинок. Попал прямо по пальцам! Я схватился за ногу.

– Ой, извини, наступил.

В его словах не было ни капли сожаления, он улыбался. Какая же грязная игра! И жаловаться, как уже понял, бесполезно. Остался только один выход: бежать.

– Ребята, давайте пока мальчики будут бежать, мы их поддержим!

Максим прервал тишину и крикнул «Же-ня», пока его не прервал оглушительный хор: «Ни-ки-та! Ни-ки-та! Ни-ки-та». Моё имя было не слышно. Хромая на правую ногу, подошёл к линни и присел для нижнего старта. Ни-ки-та! Ни-ки-та!

Я закрыл глаза. Больше не хотелось вспоминать про монеты. Забылось падение на руку. Боль в ноге прошла. Остались только я. И фишки.

Свисток! Раз фишка, назад, два фишка, на-зад, три фишка, на-за-д. Финиш оказался громким, да ещё и Наталья Вячеславовна поддержала:

– А теперь давайте трижды скажем «Молодцы»! Никита и Женя сегодня показался самые лучшие результаты, во многих нормативах преуспевая с отрывом!

Мы ждали оглашения результатов. Мы были готовы засчитать каждую секунду, миллисекунду, мили-мили-миллисекунду, лишь бы был победитель!

Наталья Вячеславовна подошла к Леониду Геннадьевичу. – Лёнь, за сколько Никита пришёл? Я что-то засмотрелась, забыла вовремя выключить. Они одновременно финишировали, давай эту же цифру впишем.

Мы с Никитой от недовольства одновременно взмахнули руками, как будто выполняли элемент из синхронного плавания.

– Это не означает, что у нас ничья. – сказал Никита, снимая футболку. – Это означает, что мы теперь – вечные соперники.

Он произнёс не со злобой, нет.

Эти нормативы дали Никите понять, что теперь он не единственный перспективный волейболист в секции. Грязной игрой он показал, что боится перестать быть самым-самым. А меня он начал уважать. После нормативов начали уважать и тренеры: сказали, что теперь мне нужно набираться игрового опыта. Часто ставили на упражнения в пару с Никитой: он рядом со мной был более увлечённым волейболом, а я старался изучать его игровые лайфхаки. Но мы не друзья, нет. Каждую игру нас ставили капитанами: по очереди набирали себе игроков сначала он, потом я. Или наоборот. Соревнования продолжались каждую игру, каждую партию, каждое очко. Это было противостояние игрового опыта и характера.

Наталья Вячеславовна и Леонид Геннадиевич начали натаскивать нас на позицию. Оно и понятно: к пятнадцати годам начали проявляться сильные стороны игрока, и «примеряя» позиции можно определить, насколько она подходит игроку. Моя позиция была вынужденной. Чтобы остаться в волейболе, из-за невысокого роста я должен был играть связующего. Не то, что Никита: его же рост позволял выбрать любое место на площадке, но ленивый засранец как будто мне назло стал центральным блокирующим. Ему нравилось стоять у сетки и смотреть на всех свысока. Он даже не прыгал: чтобы забить мяч, ему было достаточно вытянуть руку вверх, стоя на месте. Тоже мне, столб фонарный.

Наталья Вячеславовна теперь приходила на каждую тренировку, чтобы после разминки рассказать нам тактическое упражнение, которое вместе с Леонидом Геннадиевичем будем оттачивать на практике. Но мне этого было мало. В интернете попадался один шлак, интервью, обзоры игр, невнятная инфа для новичков, которую я и так знал. Найти что-нибудь о расстановке – что искать иголку в стоге сена. И только Наталья Вячеславовна объясняла так, что любая задача казалась лёгкой: стог сена можно сжечь, провести над пеплом магнитом и вот всё, что ты хочешь знать, уже написано маркером на белой доске. Она была мне как любимый учитель, а я, как покорный ученик, приходил после тренировки в раздевалку и конспектировал.

Я слушал все её комментарии, даже если они никак не относились к моей позиции связующего, и заметил, казалось бы, очевидную вещь, которую как будто упустили из виду:

– Наталья Вячеславовна, а почему у нас в команде нет либеро?

Объяснение было простое: нельзя заставить игрока изменить позицию, если он того не хочет. Это как природные инстинкты, когда мяч висит над сеткой, один прыгнет, чтобы ощутить азарт верховой борьбы, другой же попытается назад, чтобы было больше шансов этот мяч принять. Леонид Геннадиевич внимательно следил за этими рывками, и не всегда получалось, что желания совпадали с физическими данными. Максим хочет высоко прыгать, но лишний вес тянет его вниз. Каждый хочет забивать, никто не любит защищаться, а либеро – единственный игрок, который не может нападать. Ему даже вход на переднюю линию запрещён: для него прыжок с этой зоны будет игровой ошибкой. И раз эта позиция такая редкая, что из двадцати человек нашей секции никого не нашлось, мне вдвойне было интересно узнать, как либеро движется во время игры. Мы провели несколько часов после тренировки, обсуждая тонкие нюансы игры, которые в целом мне, наверное, никогда и не пригодятся.

Центральный блокирующий, помимо того, что выставляет блок, должен уметь неожиданно атаковать. Никита забивал быстрые мячи, я же был тем человеком, который эти мячи поставлял. Только стояли мы на разных сторонах площадки. Иногда, когда он подлетал над сеткой, я думал: а что было бы, если бы мы играли вместе? Два капитана, два самых сильных игрока в команде вместо противников превратились бы в мощное оружие. Я отдаю пас. Он забивает. Но нас отделяла сетка, чёрная, непрозрачная, длинная, похожая на рыболовную сеть, которая собирала мои мысли и не давала им осуществиться.